Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie
Band II, S. 71–83
Berlin 1973

П. Н. Третьяков

Славяне в Поднепровье

1

В течение последних десятилетий в области Поднепровья и по его широкой периферии были осуществлены значительные археологические исследования, позволившие пересмотреть старые представления о началах исторической жизни восточных славян. При этом особое внимание было обращено на древности I тыс. н. э. – периода, в течение которого в славянской среде распадался первобытный строй и складывались известные по летописи раннесредневековые группировки (поляне, древляне, вятичи, кривичи и др.), впоследствии вошедшие в состав Древнерусского феодального государства.

В литературе начала нашего века, как известно, фигурировали две основные концепции восточнославянского этногенеза, бывшие результатом преимущественно историко-филологических разысканий. Одна из них рассматривала славянские племена Поднепровья в качестве пришельцев, распространившихся в этой области с запада после середины I тыс. н. э. Другие исследователи полагали, что славяне являлись автохтонами не только в Повисленье, как утверждали многие слависты, но и в пределах обширной территории, лежащей к северу от Карпатских гор между Верхней Вислой и средним течением Днепра. Наиболее законченное выражение эта точка зрения получила тогда в трудах известного слависта Л. Нидерле.[1] В те же годы появилась первая серьезная попытка археологического решения проблемы автохтонного развития славянской культуры в Поднепровье, предпринятая украинским археологом В. В. Хвойкой.

В области Среднего Поднепровья В. В. Хвойка исследовал археологические памятники различного возраста и пришел к мысли, что они образуют единую генетическую цепь, завершившуюся древностями восточнославянского средневековья. Особенно отчетливо, по мнению В. В. Хвойки, преемственность в развитии культуры местного населения наблюдалась начиная с последних веков до н. э. Культура этого времени, получившая наименование зарубинецкой, во второй четверти I тыс. н. э., по его мысли, переросла в

[1] L. Niederle, Slovanské starožitnosti, dil I, Praha 1902.

черняховскую культуру. Последняя якобы преемственно сменилась культурой Древней Руси.[2]

Взгляды В. В. Хвойки долго пользовались значительной популярностью, особенно среди украинских исследователей — историков и археологов. Его главными оппонентами, предлагавшими другую атрибуцию зарубинецких и черняховских древностей, являлись немецкие археологи, сначала — П. Рейнеке, позднее — К. Такенберг и др. Они предполагали, что зарубинецкие и черняховские древности, как и все близкие и синхроничные им памятники Средней Европы („поля погребений") принадлежали не славянам, а древним германцам.[3] Так было положено начало длительной дискуссии о среднеднепровских древностях последних веков до н. э. и I тыс. н. э.

В рамках доклада не представляется возможным обрисовать ход этой многолетней дискуссии и назвать всех ее участников. Наиболее существенным было то, что новые археологические данные не подтвердили мысль В. В. Хвойки о преемственности зарубинецкой, черняховской и древнерусской культур. Первым обратил на это внимание крупнейший русский археолог-славист А. А. Спицын, первоначально поддерживавший В. В. Хвойку. В конце 30-х гг. он высказался против генетических связей зарубинецкой и черняховской культур. Первую А. А. Спицын предположительно отнес к скифскому миру. Но черняховские древности им по-прежнему рассматривались в качестве славянских, в частности, на том основании, что область их распространения, как выяснилось, простиралась далеко за пределы исторической территории готов в Причерноморье. Черняховские древности распространены от Днестра на западе и до Северского Донца на востоке, охватывая как Нижнее, так и Среднее Поднепровье. Судя по протяженности территории — указывал А. А. Спицын — черхняховская культура не могла принадлежать готам. „Естественнее всего предполагать, что это были славяне".[4]

Такого рода аргументация, разумеется, отнюдь не решала вопроса. Чтобы обосновать данное мнение, прежде всего, было необходимо отыскать в археологических материалах убедительные связующие звенья между черняховской и древнерусской культурами. Для решения этой задачи на Украине неоднократно предпринимались поиски позднечерняховских древностей. Предполагалось, что черняховские поселения и могильники принадлежали славянам-антам, известным по сообщениям византийских авторов VI–VII вв. н. э. Специфические особенности этих древностей, свидетельствующие о связях оставившего их населения с римской периферией, — римские провинциальные фибулы, стекло, масса римских монет и др. — как будто бы не противоречили такому предположению.

[2] В. В. Хвойка, Поля погребений в Среднем Приднепровье, Записки русского археологического общества, т. XII (новая серия), СПб., 1901.

[3] P. Reinecke, Aus der russischen archäologischen Literatur, Mainzer Zeitschrift, I, Mainz, 1906; K. Tackenberg, Zu den Wanderungen der Ostgermanen, Mannus, 22, 1930.

[4] А. А. Спицын, Поля погребальных урн, Советская археология т. X, 1948.

Поиски позднечерняховских древностей привели, однако, к негативным результатам. Было окончательно установлено, что черняховская культура, как это уже давно указывалось, относится к III–IV вв. может быть к концу II – началу V вв., но отнюдь не к антскому времени. Выяснилось, что черняховские поселения, остатки которых известны в числе нескольких сотен, запустели в одно время, вероятнее всего – в результате вторжения гуннов.[5]

Попытки сблизить между собой черняховские и русские средневековые древности предпринимались и в другом направлении, так сказать – „сверху". Предполагалось, что известные в области днепровского Левобережья древнерусские городища роменского типа относились не только к IX–X вв., о чем свидетельствовали находки арабских монет, но и к предшествовавшим трем столетиям. Роменскую культуру рассматривали в качестве провинциальной окраинной восточнославянской культуры антского времени. С этой культурой связывали происходящие из Среднего Поднепровья многочисленные находки предметов убора и украшения третьей четверти I тыс. н. э., еще в 20-х г. г. названных А. А. Спицыным „древностями антов".[6]

Но и это предположение оказалось ошибочным. В конце 20-х, 30-х, конце 40-х и 50-х гг. в области днепровского Левобережья были проведены большие исследования роменских городищ. При этом оказалось, что все они относятся к IX–X вв., может быть – к концу VIII в., но отнюдь не к антскому времени.[7] В свете указанных исследований выяснилось, что роменская культура была не предшественницей, а современницей культуры Древней Руси, культурой окраинных восточных древнерусских областей.

Таким образом, в ходе археологических исследований, проведенных в области Среднего Поднепровья и его периферии и уточнения хронологии соответствующих древностей, этногеническая концепция, восходящая к трудам В. В. Хвойки, оказалась значительно поколебленной. Ее продолжали защищать лишь некоторые археологи.

2

Большим положительным вкладом в проблему далекого восточно-славянского прошлого явились сделанные в 50-х г. г. многочисленные открытия

[5] Черняховская культура, Материалы и исследования по археологии СССР № 82, 1960; Древности эпохи сложения восточного славянства, та же серия, № 116, 1964; „История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры", Москва, 1967 и др.

[6] А. А. Спицын, Древности антов, Сборник в честь А. И. Соболевского, Ленинград 1929.

[7] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, Материалы и исследования по археологии СССР, № 8, 1948; И. И. Ляпушкин, Городище Новотроицкое, та же серия, № 74, 1957; И. И. Ляпушкин, Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, та же серия, № 104, 1961; А. Н. Москаленко, Городище Титчиха, Воронеж, 1965, и др.

древностей — мест поселения и могильников — третьей четверти I тыс. н. э. Отдельные находки памятников этого рода делались в Поднепровье и раньше. Но их хронология оставалась неопределенной и они не связывались со славянской культурой. Также обстояло дело со славянскими древностями третьей четверти I тыс. н. э. и за рубежом. Лишь в конце 30-х г. г. чехословацкому археологу И. И. Борковскому удалось окончательно определить славянские древности указанного времени, характеризуемые керамикой „пражского типа".[8] Их изучение широко развернулось лишь после окончания Второй мировой войны. Они известны теперь в пределах всех старославянских земель — в Польше, Чехословакии, на востоке Германии, а также на Дунае — на территории Румынии и Болгарии, куда славяне продвинулись в VI—VII вв.

На территории СССР славянские древности третьей четверти I тыс. н. э. были отысканы в 50-х г. г. в поречье Среднего Днепра, по правым притокам Днепра — Припяти, Тетереву, Роси и Тясмину, в южных частях Верхнего Поднепровья, в верховьях Южного Буга и в Поднестровье. В большинстве случаев они представляют собой остатки поселений, расположенных преимущественно на небольших возвышенностях в пределах речных пойм или на краю невысоких террас, недалеко от воды. При исследовании поселений встречаются основания однообразных по устройству жилищ, квадратных в плане, размером 4 х 4 м, нижняя часть которых углублялась в землю на 0,5—1 м. В одном из углов такого жилища-землянки на уровне пола находилась печь. Рядом с жилищами располагались ямы-погреба характерной колоколовидной формы и другие хозяйственные постройки. Среди находок преобладает керамика, изготовленная ручным способом, без помощи гончарного круга. Встречаются железные орудия и другие предметы, свидетельствующие о сельском быте — земледелии, несомненно — пашенном, скотоводстве и других промыслах. Бронзовые украшения и предметы убора, находимые при раскопках, принадлежат к формам, известным ранее по упомянутым выше „древностям антов". Около некоторых поселений обнаружены относящиеся к ним могильники, содержащие остатки трупосожжений в урнах.[9]

[8] I. Borkovský Nejstarši slovanská keramika ze středních Čech, Památky archeologické XLII, 1936—1938; его же, Staroslovanská keramika ve střední Evropě, Praha ,1940.

[9] Славяне накануне образования Киевской Руси, Материалы и исследования по археологии СССР № 108, 1963; Ю. В. Кухаренко, Средневековые памятники Полесья, Свод археологических источников, вып. Е 1—57, 1963; Г. И. Смирнова, Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской обл. Исследования по археологии СССР (Сборник в честь М. И. Артамонова), Ленинград 1961; П. И. Хавлюк, Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья, Советская археология, 1961, № 3; В. В. Аулих, Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимне, Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині вып. 4, Київ, 1962; Г. Г. Мезенцева, Канівське поселення полян, Київ, 1965; Д. Т. Березовець, Могильники уличів у долині р. Тясмину, Слов'яно—рускі старожитності Київ, 1969.

Нет никаких сомнений, что перед нами славянская культура, послужившая непосредственным генетическим предшественником культуры Древней Руси.

В Среднем Поднепровье на некоторых поселениях третьей четверти I тыс. н. э. были обнаружены следы ремесленного производства — кузнечного, ювелирного, гончарного — которое обслуживало не только окрестное славянское сельское население, но и кочевников Западной Хазарии. Отдельные изделия, распространенные в кочевнической среде, иногда встречались в составе инвентаря славянских жилищ. Широкой известностью пользуются материалы Пастырского городища, впервые исследованного еще В. В. Хвойкой, а в 50-х г. г. — украинскими археологами. Автор этих строк в своих работах не раз характеризовал это городище, как „эмбрион" средневекового ремесленно-торгового города — предшествующего древнерусским городам Среднего Поднепровья.

Вопрос об отношениях славянского населения Среднего Поднепровья с кочевниками представляет большой интерес. Русская летопись, как известно, сообщает, что накануне образования Древнерусского государства юго-восточные славянские группировки платили дань хазарам и вели против них борьбу за свою независимость. Но до сих пор остается окончательно не определенным с какой преимущественно группировкой, входившей в состав Хазарского каганата, сталкивались тогда днепровские славяне. По мнению одних советских исследователей, это были болгары (тюрки), по мнению других — аланы (сарматы). Некоторые археологи придают элементам кочевнической культуры явно преувеличенное значение, предполагая, что в Среднем Поднепровье в VI—VII вв., кроме славян имелось постоянное аланское или болгарское население. Высказывается также мнение, правда, вызывающее серьезные возражения, что известные в Среднем Поднепровье богатые погребения (трупосожжения) знати, могли принадлежать не кочевникам — болгарам или аланам, а людям славянского происхождения.[10] С этой темой связан давно фигурирующий в историографии дискуссионный вопрос о руси и древнейшей Русской Земле, заново поставленный в 1953 г. Б. А. Рыбаковым с привлечением археологических данных.[11]

3

Выявление и изучение раннесредневековых восточнославянских древностей оказало решающее влияние на ход дискуссии о черняховской культуре. Если славянская культура Среднего Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э. являлась как сказано выше, бесспорным и непосредственным

[10] С. А. Плетнева, От кочевий к городам, Материалы и исследования по археологии СССР № 142, 1967; А. Т. Смиленко, Глодоські скарби, Київ, 1965.

[11] Б. А. Рыбаков, Древние русы, Советская археология, т. XVII, 1953; П. Н. Третьяков, У истоков древнерусской народности. Ленунград, 1970.

генетическим предшественником культуры Древней Руси, то с более ранней черняховской культурой она не обнаруживала ничего общего. Ни одна из специфических черняховских особенностей не получила продолжения и развития в славянской раннесредневековой среде. В славянской культуре не обнаруживается никаких реминисценций периферийно-римских элементов, так характерных для черняховского населения. Славянская раннесредневековая культура, все ее слагаемые возникли, бесспорно, совсем на ином основании, и при этом где-то в отдалении от границ римских провинций, вне какого-либо контакта с ними.

Данное заключение не привело, однако, к возрождению упомянутых выше представлений о черняховском населении, как о германцах-готах. За последние десятилетия в северо-западных областях Украины – в верховьях Западного Буга, Припяти и Днестра – были обнаружены до сих пор неизвестные бесспорные готские (готско-гепидские) древности II–III вв. н. э., совсем непохожие на черняховские. Оказалось, что северяне-готы принесли в эти области свою самобытную культуру, сложившуюся где-то в низовьях Вислы.[12] Во время дальнейшего продвижения к югу, готы мало-помалу утрачивали свои специфические культурные особенности, вливясь в среду населения Северо-Западного Причерноморья, у которого складывалась черняховская культура.

Процесс постепенного „превращения" готов в „черняховцев" может быть хорошо прослежен по материалам так наз. волынского варианта черняховской культуры.[13] Нужно только иметь в виду, что археологические материалы Волыни свидетельствуют также и о том, что кроме готов, то есть выходцев из Южной Прибалтики, в пределы Поднестровья и Волыни в начале нашей эры проникли с запада и другие группировки, неизвестно – германские или западно – славянские. Об этом свидетельствует распространение в Верхнем Поднестровье и на Волыни элементов пшеворской культуры, а также такие памятники, как известное поселение второй четверти I тыс. н. э. на Днестре у с. Лепесовка.[14] Очевидно готы, продвинувшиеся в III в. к Черному морю, представляли собой группировку далеко неоднородную в этническом отношении.

Но еще более неоднородным по своему происхождению было, повидимому, население, в среде которого распространилась черняховская культура. Бесспорной ошибкой всех предыдущих разысканий в этой области являлось

[12] Ю. В. Кухаренко, Памятники железного века на территории Полесья, Свод археологических источников, вып. Д1–29, 1961; его же, Могильник Брест-Тришин, Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 100, Москва, 1965; I. V. Kuharenko, Le problème de la civilisation „gotho-gepide" en Polêsie et en Volhynie, Acta-Baltico-Slavica, vol. V., Białystok, 1967.

[13] М. А. Тиханова, Локальные варианты черняховской культуры, Советская археология, 1957, № 4.

[14] М. А. Тиханова, Раскопки на поселении III–IV вв. у с. Лепесовка в 1957–1959 гг., Советская археология 1963, № 2.

то, что огромный черняховский массив рассматривался, как одноэтничный, хотя судя по сообщениям древних авторов в это время в Поднепровье и Поднестровье обитали племена различного происхождения.

Черняховская культура III–IV вв. н. э. представляла собой явление весьма своеобразное, существенно отличавшееся как от культур местных племен предшествовавших столетий, так и от славянской раннесредневековой культуры. Все эти культуры были, так сказать, этнически самобытными, сложившимися в условиях преобладания натурального хозяйства. Черняховскую же культуру характеризовали развитое ремесло и интенсивные торговые связи, нивелировавшие быт и материальную культуру различных племен. Глиняная посуда, повторяющихся форм, сделанная на гончарном круге, изделия, распространенные в римских провинциях, процарапанные на сосудах знаки, буквы греческого алфавита, а иногда и целые слова — вот что встречают археологи при раскопках черняховских поселений и могильников. А многочисленные находки римских монет, тысячи их, попавших в то время в Поднестровье и Поднепровье, богатые клады, состоявшие из десятков и сотен монет и других ценностей, свидетельствуют о сравнительно высоком для того времени уровне экономической и социальной жизни, о том, что на широких пространствах Северо-Западного Причерноморья уходил в прошлое первобытной строй и складывались классовые общественные отношения.

В таких условиях неизбежно распадались старые племенные связи, шел энергичный процесс инфильтрации различных племен. Об этом хорошо знали современники. Еще в I в. н. э. Страбон, характеризуя обстановку, царившую в Северном Причерноморье, сообщал о местностях, где „бастарны, скифы и сарматы живут смешанно с фракийцами“. Постоянные войны и передвижения племен, в частности приход готов и образование в Причерноморье готских „варварских“ государств несомненно, способствовали этому процессу. Если оценивать все это с позиций этнической истории, то следует заключить, что в разноплеменной среде Северного Причерноморья началось тогда формирование народности. Распространение среди различных племен общей для всех черняховской культуры свидетельствовало именно о таком явлении.

Нам не известно, насколько далеко продвинулся этот процесс. По-видимому, он не успел выйти за рамки своей первичной стадии. В конце IV в. н. э. области Северного Причерноморья испытали на себе разрушительные удары со стороны кочевников-гуннов, в ходе которых навсегда рухнули — черняховская оседлость и культура.

Обрисованные здесь представления о черняховской культуре еще не имеет достаточно полного отражения на страницах археологической литературы. Но в настоящее время они получает все более широкое распространение среди советских археологов. Делаются попытки исследовать локальные варианты и местные элементы черняховских древностей. Особое внимание исследователей привлекают черняховское домостроительство и

грубая керамика ручной работы, то есть такие элементы культуры, которые наиболее полно отражали местные традиции, не были продуктами ремесла и не приобретались на рынке. Другими словами, дискуссия ведется ныне не столько о том, кем было черняховское население — славянами, готами, аланами и др. — сколько о том, какие этнические элементы и в каких пропорциях здесь были представлены. В частности, имеются отдельные данные, допускающие, что в формировании черняховского населения в северных частях его ареала приняли участие также и некоторые зарубинецкие группировки. Это предположение приобретает особый интерес в связи с появившимися за последнее время данными, позволившими рассматривать зарубинецкое население, как раннеславянское, речь о чем будет идти ниже.

4

Когда выяснилось, что черняховское население отнюдь не являлось генетическим предшественником средневековой восточнославянской группировки, встал вопрос об ее происхождении, о том, откуда пришли славяне в Среднее Поднепровье. Некоторые исследователи из всего сказанного выше, сделали поспешное заключение, что следует возвратиться к взглядам некоторых филологов-славистов конца прошлого и начала нашего столетия, полагавших, что в пределах восточноевропейской равнины славяне расселились не раньше середины I тыс. н. э. Общие черты в славянской раннесредневековой культуре разных стран рассматривались при этом как доказательство того, что в предшествующие столетия славяне обитали в пределах небольшой территории — своей «родины» и якобы имели там вплоть до своего расселения единую культуру. В область Среднего Поднепровья, согласно этой концепции, славяне проникли с запада в VI—VII вв. Сначала они расселились будто бы в Правобережье, позднее перешли на левый берег Днепра и лишь в конце I тыс. н. э. заняли Верхнее Поднепровье и его широкую периферию.[15]

Такие представления, повторяющие взгляды более чем полувековой давности, однако, не получили в среде советских археологов сколько-нибудь широкого распространения. Мало того, они подверглись критике в свете новых археологических открытий, убедительно показавших, что наиболее вероятным предком раннесредневековых славян Среднего Поднепровья послужило население, обитавшее в предшествующее время севернее черняховского ареала. Это весьма многочисленное население долго сохраняло в своем быту традиции зарубинецкой культуры. А некоторые зарубинецкие элементы (характер поселений и жилищ, погребальная обрядность и др.),

[15] И. И. Ляпушкин, К вопросу о культурном единстве славян, Исследования по археологии СССР (Сборник статей в честь М. И. Артамонова) 1961; его же, Славяне накануне образования Древнерусского государства, Материалы и исследования по археологии СССР, № 152, 1968.

пережив тысячелетие, почти без изменений вошли в культуру днепровских средневековых славян. Таким образом, появилась реальная возможность рассматривать зарубинецкие племена Среднего Поднепровья и их непосредственные потомки, обитавшие к северу от границ распространения черняховской культуры, в качестве одной из раннеславянских группировок.

Этот вывод был сделан далеко не сразу. Он постепенно вырисовывался в течение 50 и 60-х г. г. в ходе многолетних археологических исследований, проводимых в Верхнем Поднепровье и северной части Среднего Поднепровья — области до этого времени сравнительно слабо изученной в археологическом отношении. Этим объясняется почему взгляды автора на данный вопрос за период с конца 40-х г. г. и по настоящее время не оставались неизменными. Они не раз уточнялись и видоизменялись, что нетрудно проследить по их отражению в соответствующей литературе.

Еще в конце 30-х г. г. было обращено внимание на то, что некоторые элементы славянской культуры в Верхнем Поднепровье, как будто бы, восходят весьма к отдаленному прошлому.[16] Но в то время в указанной области были изучены лишь отдельные археологические памятники, не позволяющие нарисовать сколько-нибудь определенную картину. Оставалось неизвестным — какие именно древности принадлежали здесь славянам, а какие — восточным балтам, о пребывании которых в Верхнем Поднепровье убедительно свидетельствовали материалы гидронимии.

Лишь в результате археологических исследований, осуществленных после окончания Второй мировой войны, выяснилось, что в „раннем железном веке“ — в I тыс. до н. э. и начале н. э. вся обширная область Верхнего Поднепровья принадлежала восточным балтам.[17] Начиная с последних веков до н. э. их южным соседом, занимавшим лесостепные и лесные области Среднего Поднепровья от верховьев Припяти на западе и до поречья Средней Десны на востоке, являлись зарубинецкие племена. Изучение их культуры за последние десятилетия сделало большой шаг вперед. Исследован ряд больших могильников и несколько поселений, уточнена территория зарубинецкой культуры и ее хронология.[18] При этом оказалось, что в первые века н. э. область зарубинецких поселений значительно сдвинулась в северо-восточном направлении. На западе — в верховьях Припяти и ее притоков — зарубинецкое население было потеснено готами. Об этом свидетельствуют готские погребения, совершенные на площади некоторых зарубинецких могильников и то, что с появлением готов жизнь на зарубинецких поселени-

[16] П. Н. Третьяков, Северные восточнославянские племена, Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, 1941.

[17] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины, Москва-Ленинград, 1963; П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, Ленинград 1966, стр. 113–189.

[18] Памятники зарубинецкой культуры, Материалы и исследования по археологии СССР, № 70, 1959; Ю. В. Кухаренко, Зарубинецкая культура, Свод археологических источников, вып. Д 1–19, 1964; П. Н. Третьяков, 1966, стр. 200–219.

ях в этих местах прервалась.[19] В Среднем Поднепровье в I–II вв. н. э. появились сарматы. Позднее во II в. н. э. южная часть старой зарубинецкой территории была занята населением с черняховской культурой. Позднезарубинецкие древности I–III вв. н. э. известны на Днепре в районе Киева и севернее вплоть до Могилева, в Левобережье на р. Трубеж, в нижнем течении Сожа и в бассейне Десны вплоть до верховьев этой реки. По-видимому, они будут обнаружены также и на левых притоках Припяти.

В местностях, куда распространялись позднезарубинецкие племена, прекратилась жизнь на городищах восточных балтов. Замечено, что местное населние с приходом зарубинецких племен отходило на север, нередко достигая областей, принадлежавших ранее финно-угорским племенам.[20]

Изучение древностей позднезарубинецких племен в Верхнем Поднепровье и северных пределах Среднего Поднепровья только лишь началось. В 1969 г. появилась их первая значительная публикация[21], многие материалы еще не обнародованы. То же самое следует сказать о древностях указанной области, относящихся к последующим столетиям — середине и третьей четверти I тыс. н. э. Им посвящены в большинстве случаев лишь краткие информации в археологических изданиях и только отдельные публикации.[22] Исследование этих древностей является одной из первоочередных задач восточнославянской археологии на ближайшее время.

Автор этих строк уже несколько лет ведет исследование указанных древностей в бассейне р. Десны. На Днепре, в пределах Могилевсской и Гомельской областей ряд могильников и связанных с ними поселений исследован белорусским археологом Л. Д. Поболем. Около Киева такие древности изучаются украинскими археологами.

Позднезарубинецкие и более поздние поселения северной части Среднего и южных областей Верхнего Поднепровья в большинстве случаев были небольшими, расположенными на невысоких речных берегах. С первых веков нашей эры господствующей формой жилища в зарубинецкой среде становится квадратная землянка размером 3 х 3 или 4 х 4 м с очагом или

[19] Ю. В. Кухаренко, 1961, стр. 18–19.

[20] П. Н. Третьяков, 1966, стр. 220–239.

[21] Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье, Материалы и исследования по археологии СССР № 160, 1969.

[22] П. Н. Третьяков, 1966, стр. 240–285; Л. В. Артишевская, Могильник раннеславянского времени на р. Десне, Материалы и исследования по археологии СССР № 108, 1963; Э. А. Сымонович, Городище Колочин I на Гомельщине, Материалы и исследования по археологии СССР № 108, 1963; В. А. Падин, Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска, Советская археология, 1960, № 3; Ю. В. Кухаренко, Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье, Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, вып. 53, 1954; Е. А. Симонович, Два ранньосередньовічних поселення на Чернігівщині, Слов'яно-руські старожітності, Київ, 1969; В. А. Ильинская, Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в днепровской левобережной лесостепи, Сб. Славяне и русь, 1968.

печью на уровне пола. Рядом с жилищами находились ямы-погреба колоколовидной формы. По своему характеру и расположению, по форме жилищ и хозяйственных построек, наконец, по находящимся вблизи могильникам с трупосожжениями, эти поселения, как указано выше, мало отличаются от раннесредневековых славянских поселений. Можно указать лишь на то, что жилища начала нашей эры бывают несколько меньших размеров, чем раннесредневековые. Стены их иногда облицовывались не бревнами, а плетнем. В них нередно сооружались не печи, а открытые очаги, расположенные в средней части помещения. Но уже на рубеже и в начале нашей эры на некоторых зарубинецких поселениях Поднепровья имелись жилища с хорошими глинобитными печами. Характерное средневековое славянское жилище-землянка сложилось не сразу; оно формировалось мало-помалу в течение I тыс. н. э. Жилища северных соседей днепровских славян — восточных балтов — имели совсем другой вид — это были не землянки, а наземные дома столбовой конструкции, нередко значительных размеров.

Если обратиться к наиболее массовому материалу — керамике, то в течение I тыс. н. э. ее характер и формы постепенно изменялись. Уменьшался процент столовой лощеной посуды, ухудшалось качество лощения. Сосуды реберчатой формы приобретали другие пропорции, становились биконическими. Зарубинецкие глиняные диски приобрели бортики, сначала — низкие, затем — высокие. Изменялись формы предметов убора и украшения, но их ассортимент в основном оставался прежним, что свидетельствует о сохранении в неизменном виде характера одежды. Когда поднепровские славяне в третьей четверти I тыс н. э. расширили свою территорию в южном направлении, заняв область Среднего Поднепровья, в их культуре, как указывалось, еще были заметны некоторые зарубинецкие традиции.[23]

Все сказанное выше имеет отношение лишь к поднепровской группе славянских древностей. Есть основание предполагать, что история культуры раннесредневековой славянской группировки, занимавшей более западные области — Волынь, Полесье и Верхнее Поднестровье — протекала несколько иначе. Предком этой группы восточных славян являлись, по-видимому, зарубинецкие племена, испытавшие на себе сильное влияние со стороны черняховской культуры.[24] Зарубинецкие традиции, в частности реберчатые, биконические формы среди керамического материала, здесь не представлены. В отличие от культуры поднепровских славян, древности более западной группировки называются нередко „культурой Корчак“ по имени с. Корчак, находящегося около г. Житомира, где были сделаны первые находки этого рода.[25]

[23] П. Н. Третьяков, Зарубинецкая культура и поднепровские славяне, Советская археология 1968, № 4.

[24] В. Д. Баран, Деякі підсумки дослідження поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу, Слав'яно-руські старожитності, Київ, 1969.

[25] Ю. В. Кухаренко, Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья, Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 57, 1955.

В середине и третьей четверти I тыс. н. э. восточнославянские группировки расширяли свои пределы не только в южном, но и в северном направлении. Славяне все дальше и дальше проникали вглубь земель, принадлежавших восточным балтам, а еще дальше – финно-уграм; шел процесс ассимиляции тех и других. В докладе, представленном автором V Международному съезду славистов (София, сентябрь 1963), обстановка, царившая в I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и по его периферии была охарактеризована, как „большое культурно-историческое и этническое состязание, участниками которого были финно-угорские, восточнобалтийские и восточнославянские племена". Последние оказались в этом состязании в силу ряда причин победителями.[26] В ходе расселения восточных славян и поглощения ими восточнобалтийского и другого местного населения складывались известные по летописи древнерусские группировки (поляне, северяне, кривичи, вятичи, и др.), бывшие отнюдь не первобытными племенами, а раннесредневековыми территориальными союзами. Данной темы автор касался в ряде работ, а также в докладе на I Международном конгрессе славянской археологии (Варшава, сентябрь, 1965).[27]

5

Вопрос о происхождении зарубинецких раннеславянских племен и их культуры является еще далеко не решенным. Очевидно, эта культура сложилась не на Среднем Днепре, а в более западных областях. Об этом свидетельствуют представленные в ней латенские, дакийские и поморские элементы. Некоторые польские и советские археологи придают особое значение поморским чертам в зарубинецких древностях. Они связывают происхождение зарубинецкой культуры с поморской культурой территории Польши.[28] Однако, в зарубинецких древностях отчетливо представлены также и местные черты, восходящие, по-видимому, к культуре северо-западных окраин скифского мира, а еще раньше – древностям Правобережной Украины, принадлежащим к так наз. белогрудовской и чернолесской культурам.[29]

Что касается славянских или праславянских древностей более раннего времени, то многие советские археологи склонны поддержать точку зрения

[26] П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, История, фольклор, искусство славянских народов" (Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов), Москва 1963.

[27] П. Н. Третьяков, К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья, Slavia Antiqua XI, 1964; его же, О балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья, Acta Baltico-Slavica 6, 1969 и др.

[28] Ю. В. Кухаренко, К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры, Советская археология, 1960, № 1; Д. А. Мачинский, К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры, Краткие сообщения института археологии АН СССР, вып. 107, Москва 1966.

[29] А. И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье, Киев, 1961.

польского археолога А. Гардавского, высказанную им на I Международном конгрессе славянской археологии (Варшава, 1965).[30] Согласно его мысли, особое значение придается древностям середины II тыс. до н. э., относящимся к тшинецкому типу, распространенным по средней полосе Европы от междуречья Одера и Вислы на западе до среднего течения Днепра на востоке. Оставившее эти древности население рассматривается, как предок славянских племен. Оно составляло далеко не монолитную, а довольно пеструю по культуре группировку. В последующий период — в конце II и начале I тыс. до н. э., в условиях первобытных экономических и общественных отношений, процессы культурно-этнической дифференциации среди этих племен неизбежно продолжались. Они привели к возникновению ряда локальных вариантов лужицкой культуры в Повисленье и близких ей культур в более восточных областях (высоцкая, белогрудовская и др.).

Особо следует подчеркнуть, что обрисованная выше область выступает, как древнейшая славянская (праславянская) территория, также и в трудах многих, филологов-славистов, основывающихся на данных гидронимии и „лингвистической географии". При этом язык древних славян реконструируется современной лингвистикой не как единый, общий для всех (чего не могло быть в первобытное время), а как совокупность племенных диалектов[31], что вполне соответствует картине, отображенной в археологических данных.

Лишь позднее, после середины I тыс. до н. э., когда в среде населения средней полосы Европы начался распад первобытных общественно-экономических отношений, процессы культурно-этнической дифференциации малопомалу закономерно уступили место процессам консолидации и интеграции.[32] В археологических материалах Повисленья это получило выражение в виде широкого распространения поморской культуры. Племена днестро-днепровского междуречья оказались в это время в границах скифского мира, а после крушения последнего, были объединены зарубинецкой культурой.

Таким образом, в свете данной гипотезы зарубинецкие племена выступают отнюдь не как предки всех славян — восточных и западных, не как праславяне, — а как древняя восточная раннеславянская группировка.

[30] A. Gardawski, Zagadnienie ciągłości osadniczej, kulturowej i etnicznej w międzyrzeczu Odry-Dniepru od II okresu epoki brązu do VI\VII w n. e, I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, t. I, Warszawa 1968.

[31] Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, Москва-Ленинград 1962.

[32] П. Н. Третьяков, Этногенический процесс и археология, Советская археология, 1962, № 4.